

Дорогое и любимое имя — К.Д. Ушинский

К 190-летию со дня рождения великого педагога

В.Б. ПОМЕЛОВ,

доктор педагогических наук, профессор, кавалер медали К.Д. Ушинского,
Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Константин Дмитриевич Ушинский... В блестящей плеяде русских педагогов XIX в. он занимает особое, выдающееся место. Основоположник российской педагогики, отец отечественной национальной школы, один из создателей русской детской литературы — это все о нем, об Ушинском.

К.Д. Ушинский родился 19 февраля (2 марта) 1824 г. в г. Туле. Его отец Дмитрий Григорьевич прошел курс обучения в Благородном пансионе при Московском университете, служил по военному ведомству, участвовал в Отечественной войне 1812 г., отличился в Бородинском сражении. Выйдя в отставку, служил на гражданской службе в Туле, Полтаве и Вологде, а с 1832 г. занимал должность уездного судьи в г. Новгород-Северском Черниговской губернии. Его жена — Любовь Степановна, урожденная Капнист, скончалась, когда Константину было одиннадцать лет. Второй брак Д.Г. Ушинского — женитьба на сестре генерала Гербея — расширил его деловые и родственные связи. В лице мачехи юный Ушинский нашел друга, сумевшего заменить ему мать [1, 14]¹.

Род Ушинских хотя и был очень древним, но относился к мелкопоместным, т.е.

небогатым. В то же время и бедными людьми их назвать было нельзя: семья владела сотней десятин земли и тридцатью крепостными крестьянами. Однако Ушинские, по правде говоря, мало занимались хозяйственными делами, перепоручив их, как это было принято в те годы, наемному управляющему. Сам Дмитрий Григорьевич был всецело погружен в судейские дела и имел у местных жителей репутацию умного, принципиального и бескорыстного человека. Константин же больше предавался обычным детским забавам. Особенно он любил с мальчишками устраивать «баталии» на воде и сплавляться на плотах по «зачарованной» Десне [2, 26].

Отцовское поместье и гимназия находились на противоположных концах города, на расстоянии четырех верст, и это расстояние Костя ежедневно преодолевал кратчайшим путем — по берегу Десны. Шел он обычно не один; за ним неизменно увязывалось несколько товарищей, просивших его по пути разъяснить содержание домашнего задания или просто рассказать о последней прочитанной книжке. Разумеется, Костя, отзывчивый книголюб, с удовольствием делал это. Иногда приятели, позабыв о време-

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из списка «Использованная литература». — *Ред.*

ни, даже останавливались где-нибудь на берегу, и Ушинский для большей наглядности вычерчивал веткой на песке формулы и схемы.

Гимназия, которой руководил известный латинист профессор Илья Филиппович Тимковский, ранее работавший в Московском университете, привила Ушинскому любовь к науке. Это позволило ему в шестнадцать лет, в возрасте, когда его одноклассники только переходят в старшие классы гимназии, поступить на юридический факультет Московского университета. Строго говоря, полный курс гимназии Ушинский не прошел, но ему не терпелось побыстрее окунуться в мир настоящей науки, поэтому в университет он представил, наряду с копиями документа о дворянстве и метрического свидетельства, всего лишь... увольнительное свидетельство из гимназии, а вовсе не аттестат о ее окончании. Тем не менее он был допущен до вступительных испытаний, которые блестяще прошел.

А.И. Герцен писал в своих мемуарах «Былое и думы»: «Университет больше и больше становился средоточием русского образования. В него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее».

К этим «юным силам» принадлежал и Ушинский. Самой большой его страстью в университетские годы была учеба. С глубочайшим вниманием студенты слушали лекции любимых профессоров, таких, как историк Тимофей Николаевич Грановский и юрист Петр Григорьевич Редкин. Редкин станет основателем первого в России педагогического общества, привлечет к его работе Ушинского. Всю жизнь К.Д. Ушинский будет считать себя учеником П.Г. Редкина.

Университетский товарищ Ушинского Ю.С. Рехневский вспоминал: «Уже тогда Ушинский отличался некоторыми качествами, которые впоследствии наделали ему много врагов и принесли много огорчения, — именно полнейшей независимостью

характера и привычкой высказывать откровенно свои убеждения, невзирая на то, как будет принята эта откровенность...» Товарищи любили его; тот же Рехневский отмечал, что «в частном студенческом быту Константин Дмитриевич был совершенный студент-демократ, живший, что называется, душа нараспашку и делившийся с товарищами последним рублем и последней трубкой табаку» [3, 23].

Среди передовой студенческой молодежи, к которой принадлежал и К.Д. Ушинский, громадным влиянием пользовался великий критик В.Г. Белинский, печатавшийся, главным образом, в ежемесячном журнале «Отечественные записки». По словам А.И. Герцена, статьи «неистового Виссариона» «...судорожно ожидалось в Москве и Санкт-Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть», и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... трех-четырёх верований, уважений как не бывало».

Другим увлечением Ушинского был театр. Как свидетельствует его секретарь и биограф А.А. Фролков, «...театр для Ушинского был величайшим наслаждением. Нередко за последний двугривенный он забирался в самый верх и с энтузиазмом аплодировал П.С. Мочалову и М.С. Щепкину». Для бенефиса Мочалова Ушинский даже сочинил трагедию в шести актах и передал ее любимому артисту. Тот, впрочем, не впечатлился этим первым и одновременно последним такого рода опытом 18-летнего студента.

В 1844 г. К.Д. Ушинский окончил университет и как «отличнейший кандидат» был «выделен» советом университета в распоряжение попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова. В ожидании назначения Ушинский сдал экзамены на получение ученой степени магистра [4, 26]. Размышляя о предстоящей деятельности, Ушинский писал в дневнике: «Мы живем не в те годы, чтобы мы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства, как отцы.

Отдадим себя трудам и страданиям, бесплодным для нас, но плодотворным для детей наших». На вопрос, в чем же должен заключаться этот труд для потомства, Ушинский отвечал: «Приготовлять умы! Рассеивать идеи! Вот наше назначение». Да, это «труднейшая и бесславнейшая доля», но зато, считал Ушинский, это «лучшая доля, величайшая доля».

В 1845 г. был утвержден устав Ярославского Демидовского лицея, по которому он становился высшим учебным заведением для подготовки чиновников, юристов и экономистов. Ушинскому была предоставлена возможность «приготовлять умы»: 13 августа 1846 г. он был утвержден в должности профессора лицея. Со всей присущей ему страстью он принялся за работу. К.Д. Ушинский активно вовлекает в научную работу студентов. В 1847/48 учебном году совет лицея присудил две золотые медали за студенческие работы, и обе достались студентам, работавшим под научным руководством К.Д. Ушинского.

Однако уже в 1849 г. ему пришлось оставить лицей. Причиной тому были вольнодумные высказывания молодого педагога. В те годы в обществе дискутировался вопрос о возможности отмены крепостного права. Естественно, демократ Ушинский, хоть и был сам по происхождению дворянином, не мог не сочувствовать этой идее. Но далеко не все студенты и преподаватели были готовы разделить его взгляды. В то время как одни студенты провожали Ушинского с лекций аплодисментами, другие писали доносы начальству. Проведенная в 1849 г. в лицее ревизия рекомендовала «для примера убрать из лицея одного из профессоров». Этим профессором и стал К.Д. Ушинский. «Дорогой Константин Дмитриевич! Не покидайте нас! Мы так привыкли к Вашему живому слову, так полюбили Вас, что не желаем смириться с мыслью о разлуке с Вами!» — писали ему любимые ученики.

К.Д. Ушинский намеревался найти себе место хотя бы в каком-нибудь уездном училище, однако теперь все двери в учреждениях министерства народного «затемнения» были для него закрыты. Более года он не получал никакого жалованья, не имел источника доходов. В феврале 1850 г. он

согласился занять должность помощника столоначальника по III отделению Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Здесь у него на почве служебной деятельности произошло столкновение со своим начальником Д.А. Толстым. Это не пройдет даром для Ушинского; спустя годы Дмитрий Андреевич станет министром народного просвещения и запретит к использованию в министерских школах произведения К.Д. Ушинского.

В июле 1851 г. Ушинского направляют в командировку в родную Черниговскую губернию. Он побывал в Новгород-Северском и встретился там со своей первой любовью, подругой детства и соседкой Надеждой Семеновной Дорошенко, ставшей его женой.

Вернувшись в столицу с женой, Ушинский, не оставляя службы, усиленно занялся журналистской работой в «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Вестнике Русского Географического общества» и других журналах. Он писал рецензии, литературно-критические обзоры. Пригодилось ему и знание английского языка; он был одним из первых русских переводчиков романов Ч. Диккенса и У. Теккерея. Его первый художественный очерк «Поездка за Волхов» («Современник», 1852) вызвал похвалу И.С. Тургенева.

В августе 1854 г. ряд департаментов Министерства внутренних дел был сокращен, в том числе и тот, в котором служил Ушинский. К счастью, «ярославские вольнодумства» Ушинского были к тому времени забыты и ему удалось найти работу преподавателя русского языка и законовения в Гатчинском сиротском институте, куда он был зачислен 4 ноября 1854 г. Институт был закрытым учебным заведением, готовившим чиновничьи кадры. Учились в нем дети-сироты, чьи отцы погибли на армейской службе. Всего учащихся было свыше 600 человек, педагогический персонал составлял около 60 учителей.

Здесь Ушинский наконец почувствовал себя в родной стихии; уже в июле 1855 г. его назначают на должность инспектора классов, т.е. начальником учебной части института. Можно сказать, что именно с этого

времени он становится тем Ушинским, каким его знают потомки.

Непосредственным толчком, побудившим Ушинского к занятиям педагогической наукой, послужило следующее обстоятельство. Однажды К.Д. Ушинский обратил внимание на шкаф, находившийся в одном из отдаленных помещений института. Шкаф был забит книгами педагогического содержания на иностранных языках. Это были произведения Коменского, Песталоцци, Руссо, Фребеля и других зарубежных авторов. Оказалось, что эти книги собирал один из предшественников Ушинского в должности инспектора, известный педагог Егор Осипович Гугель. С того времени, как он покинул учебное заведение, к книгам никто не прикасался, главным образом потому, что преподаватели не знали иностранных языков. Сам Гугель слыл чудачком, а к концу жизни помутился разумом. Поэтому, как вспоминал К.Д. Ушинский, никто не трогал эти книги, словно боялся чем-то заразиться.

К.Д. Ушинский погрузился в их чтение и открыл для себя новый мир — мир европейской педагогики. Мог ли он тогда представить, что спустя некоторое время его собственное имя будет поставлено потомками в один ряд с теми, чьи произведения им столь тщательно изучались в Гатчине?!

Главный вывод, который был вынужден сделать Константин Дмитриевич, заключался в том, что на тот период вообще не существовало российской педагогики. К таким неутешительным мыслям он пришел потому, что, как известно, всякая наука фиксируется в тех или иных трудах: монографиях, статьях, диссертациях и т.п. Ничего подобного в России тогда не было.

Однако именно в то время, в 1857 г., начал выходить ежемесячный педагогический журнал — «Журнал о воспитании» (редактор А.А. Чумиков), в котором и были напечатаны первые педагогические статьи Ушинского: «О пользе педагогической литературы», «Три элемента школы» и «О народности в общественном воспитании», ставшие своего рода манифестом, обозначившим наиболее существенные направления, по которым должна была развиваться отечественная педагогическая мысль.

В статье «О пользе педагогической литературы» Ушинский сформулировал одно из своих самых глубоких положений: в системе общественного воспитания решающую роль играет педагог. Результаты воспитания определяются не столько тем, каковы программы преподавания и инструкции, сколько тем, каковы убеждения и знания учителя, каковы его личность, характер, поведение и привычки. «Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений. Но если личность воспитателя значит все в деле воспитания, то каким же образом можно действовать на личность иначе, как не путем свободного убеждения и путем педагогической литературы?» [5, 169].

Только педагогическая литература, считал Ушинский, может оживить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Она одна может возбудить в обществе внимание к делу воспитания и дать в нем воспитателям то место, которое они должны занимать по важности возлагаемых на них обязанностей. Педагогическая литература устанавливает в обществе правильные требования в отношении воспитания и открывает средства для удовлетворения этих требований.

В статье «О первоначальном преподавании русского языка» Ушинский дал ценные указания относительно задач этого преподавания. Первой задачей он считал развитие речи ребенка, обогащение его словарного запаса и формирование умения правильно строить фразы; вторая задача состоит в том, чтобы ввести детей «в обладание сокровищами русского языка» (поэзия, фольклор, былины, песни, загадки, пословицы, поговорки и т.д.); третья задача — изучение грамматики. По всем этим вопросам Ушинским были разработаны методические указания. Он был и основоположником в России аналитико-синтетического метода обучения грамоте, который сменил собой устаревший буквослагательный метод и до настоящего времени (с соответ-

ствующими поправками) применяется в современной школе.

Каждая из этих статей дала толчок к развитию конкретного направления российской педагогической мысли. Так, под тремя элементами школы педагог понимал администраторов, воспитателей и учителей; такой подход подводит нас к мысли, что Ушинского интересовали проблемы организации школьной жизни, проблемы школоведения.

В дальнейшем длительное пребывание за границей позволит Ушинскому всесторонне изучить постановку дела образования в ведущих европейских странах и дать ее соответствующую характеристику в такой работе, как «Педагогическая поездка по Швейцарии», что позволит исследователям его творчества считать К.Д. Ушинского одним из основоположников сравнительной педагогики.

16 января 1859 г. К.Д. Ушинский (к тому времени ставший заметной фигурой в столичном учительском сообществе благодаря своим ярким публикациям и нововведениям в Гатчине) был переведен на должность инспектора классов в самое престижное и привилегированное учебное заведение России — «Общество воспитания благородных девиц», располагавшееся в Смольном дворце и поэтому получившее в обиходной речи название «Смольный институт благородных девиц». «Смольный...» был закрытым учреждением, основанным еще при Екатерине II по образцу версальского пансиона Сен-Сир, и представлял собой образец «французско-галантерейного» воспитания.

Женское образование в России в то время только еще делало первые шаги, женщин даже не принимали на учебу в вузы. Между тем Ушинский считал, что в формировании нравов и характера народа особенно велика роль именно женщины; он называл ее «единственной посредницей», через которую успехи науки и цивилизации проникают в семейный быт, в жизнь и нравы народа. Поэтому он гневно протестовал как против «французско-галантерейного», так и против «немецко-хозяйственного» воспитания, готовящего из женщины лишь домашнюю хозяйку.

Работа в Смольном привлекала Ушинского тем, что это учреждение было как бы «головным», на него равнялись все другие женские школы страны: епархиальные и общеобразовательные училища, пансионы и т.п. Реорганизовать именно это учреждение означало дать толчок к реорганизации всего женского образования.

К.Д. Ушинский энергично принялся за составление плана реформирования учебной работы, и уже через месяц этот план прошел все необходимые согласования. План предполагал значительное углубление преподавания математики, естественных наук, русского языка и русской словесности. Для реализации этого плана К.Д. Ушинский пригласил на работу в институт видных педагогов того времени, таких, как В.И. Водовозов, М.И. Семевский, Л.Н. Модзалевский, В.И. Лядов, Н.И. Раевский, Я.П. Пугачевский, Д.Д. Семенов, О.Ф. Миллер, М.О. Косинский и Г.С. Дестунис, которые были горячими приверженцами избранного Ушинским пути преобразования учебной работы.

Большим подспорьем Ушинскому в этот период стало то, что он был назначен главным редактором официального печатного органа министерства, который назывался «Журнал Министерства народного просвещения». Тем самым Ушинский получил возможность формировать в России общественно-педагогическое мнение. Журнал, на страницах которого теперь печатались работы передовых педагогов, очень скоро превратился из официозного информационного вестника в боевой орган демократической педагогики.

Успешно продвигалась и научно-издательская работа ученого. В 1861 г. тиражом 3600 экземпляров вышла книга «Детский мир и Хрестоматия». Само название указывало на то, что она включала в себя два раздела: статьи автора на естественно-научные и гуманитарные темы и хрестоматийный материал из художественной литературы. Многие тексты книги, автором которых выступил сам Ушинский, являются любимыми рассказами русских детей на протяжении уже полутора веков; прежде всего, это такие рассказы с нравственным содержанием, как, например, «Четыре желания»,

«Как рубашка в поле выросла» и многие другие.

Успех этой книги оказался столь велик, что в тот же год были выпущены еще три тиража. В дальнейшем количество изданий «Детского мира...» исчислялось сотнями. Эта книга, а также вышедшее спустя несколько лет «Родное слово» положили начало изданию в России научно-популярных красочно оформленных хрестоматий для детей.

Между тем реформа в Смольном шла вовсе не так споро, как хотелось К.Д. Ушинскому. Дело в том, что учебная работа, которую он возглавлял, была резко отделена от воспитательной работы. Последнюю осуществляли так называемые классные дамы под руководством инспектрис, подчинявшихся непосредственно начальнице института М.П. Леонтьевой, ответственной перед императрицей за сохранение надлежащего духа учреждения. Поведение воспитанниц постоянно контролировалось классными дамами, которые в обязательном порядке присутствовали на каждом уроке. На учителей эти дамы, вспоминая Ушинский, смотрели «как на какое-то вынужденное зло, которое если и можно ввести в класс, то со всеми предосторожностями, только что не обкуривая хлором».

Неудивительно, что по мере того, как Ушинский реализовывал свою программу перестройки, иными словами — усложнял и обогащал программу обучения, назревал скандал между ним и его сторонниками, с одной стороны, и Леонтьевой и ее классными дамами, с другой стороны. Ушинского поддерживали только две инспектрисы (Е.Н. Обручева и А.К. Сент-Илер).

В январе 1862 г. преподаватель Закона Божьего В.В. Гречухин, подстрекаемый М.П. Леонтьевой, пишет на ее имя служебную записку, в которой сообщает, что «Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность». Директриса незамедлительно сообщает об этом императрице.

Императрица Мария Александровна оказалась перед сложной дилеммой. Она ценила и уважала К.Д. Ушинского, даже советовалась с ним по поводу воспитания своего сына Николая — наследника, которому

так и не суждено было стать императором по причине ранней смерти (1843–1865). Но и Леонтьева была ее приближенной. Как поступить, чтобы не обидеть ни ту, ни другую сторону?

В итоге обе стороны пришли к взаимоприемлемому варианту. 22 марта 1862 г. Ушинский пишет заявление с просьбой уволить его «по расстроенному здоровью». Ему на весьма выгодных для него материальных условиях была предложена длительная командировка в Европу с целью изучения состояния образования в ряде стран.

К.Д. Ушинский с семьей сначала жил в немецком Бонне, затем в Швейцарии, в городах Вевер, Берн, Цюрих. Он много ездит по Франции и особенно по Германии: Карлсруэ, Гейдельберг, Аугсбург, Штутгарт, Мюнхен, Лейпциг, Вейсенфельс, Мангейм, Галле... Эти поездки носили, разумеется, не туристический характер, а служили целям постижения того ценного, что было достигнуто европейскими педагогами. Побывал Ушинский и в Веймаре — центре духовной культуры немецкого народа. Именно здесь, в этом крошечном городке, жили и творили Гете и Шиллер, Гердер и Виланд, Бах и Мендельсон, Лукас Кранах Старший и Ф. Лист, а позднее основатель вальдорфской педагогики Р. Штейнер, Ф. Ницше, Х.-К. Андерсен и другие властители дум.

Пять лет, проведенные за границей, не только позволили К.Д. Ушинскому укрепить здоровье в целебном климате на берегу Женевского озера, но и были самыми продуктивными в его жизни с точки зрения полученных научных результатов.

Избавившись от материальной нужды и необходимости поиска заработка для содержания своей большой семьи (у него было три сына и две дочери), К.Д. Ушинский именно в этот период закончил и опубликовал (в 1864 г.) свои самые значительные произведения: «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)», книгу для классного чтения «Родное слово» и методическое руководство к ней.

В первой из названных книг автор стремился к всестороннему обобщению накопленного наукой материала о развитии ре-

банка; некоторые исследователи считают Ушинского даже предтечей педологии.

Для начального образования особенно важное значение имел выход в свет «Родного слова», книги, которая не потеряла своей значимости и по сегодняшний день. Современники восторженно встретили этот труд: «После немецкой мертвячины, затхлого поучения в виде сентенций, нравственных рассказов, образцов добродетели вдруг слышалась в школе живая речь, раздался резвый веселый детский смех». Книга была восторженно встречена учителями, однако в условиях реакции 1880-х годов была запрещена к использованию в школах, подведомственных Министерству народного просвещения, несмотря на то что к тому времени выдержала уже 66 изданий! Спустя десять лет, в 1896 г., дочь педагога Н.К. Ушинская получила отказ на снятие запрета на использование «Родного слова», хотя за эти годы книга переиздавалась еще 38 раз! Через три года сын Ушинского Константин снова получил отказ о разрешении использования в школах этой книги, которая в 1899 г. вышла по меньшей мере 117-м изданием! Основанием для запрета был материалистический подход автора в раскрытии явлений природы. Запрет был снят лишь в 1901 г.

В историко-педагогической литературе советского периода заграничный период жизни Ушинского неизменно характеризовался как «замаскированная ссылка, вызвавшая возмущение передовой общественности».

Настало время сказать правду по этому поводу, причем сказать словами самого К.Д. Ушинского. В письме своему другу А.И. Скребницкому от 23 сентября 1862 г. Константин Дмитриевич писал: «Герцену вздумалось упомянуть в «Колоколе» о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному... Того и смотри, что позовут в Россию, т.е. при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти» [3, 78].

Со своей стороны добавим следующее. Неудача К.Д. Ушинского с реформированием учебного процесса в Смольном институте была предопределена, ибо это учебное заведение и не было предусмотрено для

подготовки высокообразованных женщин, а ставило своей целью «формирование кадрового резерва» фрейлин двора. Попытки великого педагога углубить образовательную составляющую могли найти понимание едва ли не в любом другом учебном заведении России, но только не здесь. В Смольном усилия Ушинского больше напоминали борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами.

Только в 1867 г. К.Д. Ушинский окончательно возвращается в Россию. Оставшиеся ему годы жизни он использует для переиздания своих книг, прежде всего «Детского мира», «Родного слова» и «Человека...».

Весной 1870 г. он почувствовал себя плохо и отправился в Крым для поправки здоровья. Проходивший во время пребывания Ушинского в Симферополе съезд учителей оказал ему искреннее внимание и выразил благодарность за все его труды. Окрыленный, с радостным чувством возвращался Ушинский из Крыма на свой хутор Богданка под Новгород-Северском, где его ждала семья. Особенно он хотел повидать старшего сына Павлушу, закончившего гимназию и собиравшегося поступать в военное училище. Нетрудно представить ужас, охвативший К.Д. Ушинского, когда, приехав в деревню, он узнал, что его любимый сын был накануне похоронен. Юноша прекрасно умел обращаться с ружьем, но на охоте заклинило патрон, он преломил ствол ружья, патрон разорвался, и весь заряд полетел в лицо мальчику. Он умер от ран и кровопотери на руках матери. В письме Я.П. Пугачевскому К.Д. Ушинский писал: «Под этим ударом здоровье мое окончательно рухнуло, и я не в силах уже воротиться в Петербург...»

К.Д. Ушинский мечтал купить в Крыму дом и с этой целью отправился в поездку с двумя младшими сыновьями, Костей и Волей. Они добрались до Одессы, и здесь Константин Дмитриевич окончательно слег с воспалением легких. 21 декабря 1870 г. (3 января 1871 г.) его не стало. Он был похоронен в Киеве, на территории Выдубицкого монастыря.

В память о К.Д. Ушинском в 1945 г. была учреждена специальная медаль его име-

ни как высшая награда для ученых-педагогов, внесших крупный вклад в науку об образовании.

После смерти К.Д. Ушинского прошло почти полторы сотни лет. Казалось бы, за эти годы должны были появиться новые властители дум в педагогической науке. В российской педагогике с тех пор были педагоги, которые написали куда больше книг, нежели Ушинский (например, П.Ф. Каптерев), а также такие авторы (например, Д.И. Тихомиров), тиражи книг которых превосходили соответствующие показатели книг К.Д. Ушинского.

Однако именно К.Д. Ушинского, а не кого-то другого мы называем великим русским педагогом, именно его педагогическое наследие актуально сейчас как ничье другое.

Идеи К.Д. Ушинского о значении педагогической литературы, важности труда и

необходимости его гармонического соединения с учебной деятельностью, о создании русской национальной школы и сохранении русского языка и целый ряд других до настоящего времени определяют вектор развития современной отечественной педагогики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Помелов В.Б. Российские педагоги второй половины XIX — начала XX в.: Монография. Киров, 2000.
2. Помелов В.Б. Российская педагогика в лицах: Монография. Саарбрюккен, 2013.
3. К.Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. В.К. Зажурило. Л., 1950.
4. Помелов В.Б. Российские педагоги: XIX–XX вв.: Учеб. пос. Киров, 2012.
5. Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы: Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1988.

По независимым от редакции причинам в № 12 за 2013 г. на с. 70 допущена ошибка. Уточняем инициалы и место работы автора статьи «Приемы проверки и воспитания внимания в ходе преподавания математики»: Х.Ш. Ализаде, учитель начальных классов, образовательный комплекс № 132–134, г. Баку, Азербайджанская Республика